

Ярослав Буриан (15 сентября 1922 Брно – 7 июля Париж 1980) – чешский русист на грани эпох: неизбежность третьего пути

Иво Поспишил

В самом конце летнего семестра 1980 г. пришло из Парижа в Брно печальное известие о тяжелом мозговом ударе – доцента Ярослава Буриана, по некоторым свидетельствам, нашли на его квартире в Париже. Я как его брненский ученик с проф. Станиславом Жажей, заведующим языковой кафедрой русистики на Философском факультете Университета им. Я. Э. Пуркине (теперь опять Университет им. Масарика) звонили в Консульство СССР в Брно и просили, чтобы его жена Лидия Языкова как гражданка СССР могла поехать в Париж за мужем, но разрешения все равно не получили – разговор был строгий, как было тогда в определенных кругах принято, и только все удивлялись, каким образом я с ответственным человеком в консульстве говорил – это было опасно, но я не мог иначе. Через несколько дней доц. Буриана в Париже не стало. Не будем в этой статье распространяться о разных последствиях, к которым привела смерть Ярослава Буриана, там еще много темных мест, но особо для меня эти последствия в смысле моей позиции на факультете были роковыми. Надо было как-то пережить.

Много факторов, которые позже сказались на его судьбе, связано своими корнями с 50-60-ыми гг. 20 века, когда он занимался в Москве в 1951-1955 гг. в аспирантуре Университета им. Ломоносова. Кандидатом наук он стал в 1956 г. Брненский журналист Дана Ференчакова в своей юбилейной статье пишет о его знакомстве с Андреем Синявским, с которым он, кажется, дружился со времени своего московского пребывания; с этим я не был осведомлен, так как Ярослав Буриан был человеком скорее интровертным, хотя все считали его забавным компаньоном. При его возвращениях из Парижа (1975-1980), где в Сорбонне он занимал незначительную должность лектора чешского языка (его коллеги – лекторы чешского в других французских университетах сравнивали зарплату лектора с зарплатой французской уборщицы, но это тогда все-таки сто раз окупилось). Он упоминал лишь новоиспеченного эмигранта Виктора Некрасова (1911-1987), который умирает в Париже семь лет после Я. Буриана, даже декламировал отрывки из его реминисцентных парижских произведений. Говоря и Синявском, много

вещей вокруг него подозрительно и, в особенности, резкая разница судьбы обоих осужденных писателей, т. е. Даниэля и Синявского или же Аржака и Терца, первых жертв хрущевской оттепели. По-моему там много неясных аспектов и никогда не удастся все обнаружить дотла, так как, кажется, нет много интереса к этому возвращаться; может быть, со временем что-то проскользнет, но это, лицом к лицу вечности, неважно. Закроем этот черный ящик так, что чешский русист Ярослав Буриан скончался в Париже в 1980 г. при неясных обстоятельствах. Ясно только то, что ушел из жизни хороший человек, специалист, который жил на грани эпох и постоянно искал свою собственную позицию в жизни и в литературоведении.

В 1945-1950 гг. Я. Буриан изучал чешский и русский в Университете им. Масарика в Брно – его учителями были, среди других, Франк Воллман, Франтишек Травничек, Йосеф Йирасек, русский эмигрант из Одессы Сергей Вилинский и другие. В качестве ассистента, ориентированного на русскую литературу, он поступил в аспирантуру в Москву в Университет им. Ломоносова, в котором он занимался русской литературой в 1951-1955 гг., год спустя он защитил диссертацию на тему *Роман Максима Горького Жизнь Клима Самгина: отражение общественно-политической борьбы в романе и его художественные особенности* (1955). Это и была исходная точка его горьковедческих исследований, включая его доцентскую /хабилитационную работу, написанную на чешском языке, которая в этом издании публикуется на русском языке, а именно *Románová díla Maxima Gorkého* (1966).¹

Нельзя не упомянуть и академическую деятельность Ярослава Буриана, именно в трудное время начала 70-х гг. 20 века, когда он исполнял должность замдекана по научной

¹ Из его статей: Заметки об истоках советского романа и его проблематика после Октября 1917 г. Sborník prací filosofické fakulty brněnské university/SPFFBU, D 14, 1967, с. 37-48. Ссылка на цифровую библиотеку Филологического факультета Университета им. Масарика: <https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/108002>.

Развитие русского романа XX в. Sborník prací filosofické fakulty brněnské university/SPFFBU, D 15, 1968, с. 81-90. Ссылка на цифровую библиотеку Филологического факультета Университета им. Масарика: <https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/108093>.

Typizační a jiné tvárné postupy v románě Život Klíma Samgina M. Gorkého (SPFFBU D 20, 1973, с. 141-154.). Ссылка на цифровую библиотеку Филологического факультета Университета им. Масарика: <https://digilib.phil.muni.cz/handle/11222.digilib/107863>. Historicko-typologická metoda a její uplatnění při studiu současné literatury, Čs. rusistika 1974, 3. Из его издательской и редакторской деятельности: Na křižovatce umění. K počtě šedesátin prof. Artura Závodského. Ved. red.: Jaroslav Burian. Spisy UJEP, Brno 1973. Literatura, umění a revoluce. Sborník z vědeckého symposia věnovaného osmdesátému výročí narození V. V. Majakovského a čtyřicátému výročí úmrtí A. V. Lunačarského. Věd. red.: Miroslav Mikulášek, Jaroslav Burian. UJEP, Brno 1976. См. также его богемистскую работу Spisovná norma v umělecké mluvě českého národního obrození (rukopis), sine.

части Философского факультета им. Яна Эвангелиста Пуркине в Брно в бывшей Чехословакии (теперь университет носит опять имя Т. Г. Масарика). Его либеральное руководство позволило сравнительно более свободную научную активность, чем тогда было принято, и разные издания, включая и славистские, в том числе, например, первую в мире монографию об немецко-украинском поэте Ю. Федьковиче,² не говоря о поддержке студенческой научной деятельности. К этому мне нельзя не добавить, что благодаря его деятельности и я стал на путь литературоведа, русиста, англиста и богемиста. Его умная, разумеется, компромиссная позиция стала, следовательно, предметом атак со всех сторон – это судьба тех, кто берет на себя ответственность за преемственность и сохранение вневременных ценностей.

В этом кратком размышлении мы не будем систематически заниматься исследовательской деятельностью Ярослава Буриана в рамках русского и мирового горьковедения, будем лишь стремиться к индивидуальному портрету ученого и академического деятеля, который в трудное для страны время сохранил тактически методологическую последовательность и ценности, которые могли позже сильно проявиться в чехословацком и чешском литературоведении. В начале коснемся 60-х гг. 20 века, когда возникала и теперь публикуется на русском языке его хабилитационная работа. Это было почти во всем мире время разрядки международного напряжения, время политической оттепели, либерализма и новых веяний, которые сулили новый исход, именно в связи с нашедшей тогда теорией конвергенции двух мировых экономических и политических систем, с теорией устранения общественных классов, и, в особенности, изменения роли рабочего класса, с научно-технической революцией, с космическими полетами. Все выглядело оптимистически, но все кончилось печально в тупике нового этапа холодной войны. В Чехословакии 60-х гг. 20 века эти новые веяния были сравнительно сильнее, чем в СССР также в силу традиции межвоенной Чехословацкой Республики, своей традиции коммунистического движения, которое имело свое направление, не всегда тождественное с большевизмом, после второй мировой войны были и свои теории развития социализма³, похожие на югославские,

² Mečislav Krhoun: Básnické dílo Jurije Fed'kovyče. Brno 1973.

³ Eigil Steffensen: Tjekoslovaikiets eksempel. Tiden, København 1950. Когда я был осенью 1985 г. в стажировке в Копенгагене, автор был моим тьютором, и в наших беседах мы затронули и эту тему, хотя речь шла, прежде всего, о русской литературе, так как автор (1927-2011) был ведущим лицом датской русистики, частично и богемистики. Тогда после 1945 г. он занимался в Карловом университете как

титовские модели, особые связи с Израилем и поддержка этого нового еврейского государства.

Ярослав Буриан представлял собой выдающуюся личность оригинального исследователя. Хотя он не писал много, скорее в скачках, зачастую отрывисто, в тезисах, его статьи всегда содержали импульсы, которые провоцировали к новым мыслям и концепциям. Его статьи можно классифицировать на три раздела. Он занимался Горьким и в связи с ним и так называемой русской литературой 20 века, как в прошлом в советском литературоведении называли литературу до Октябрьской революции, т. е. примерно часть модернизма, серебряного века, и авангарда. Он уже тогда указывал на то, что реализм и модернизм не только противоречивые, но и комплементарные поэтологические системы. Теперь это обыкновенная мысль, но в 50-70 годы она встречалась лишь в виде исключения. Хотя Буриан не демонстрировал творчество Горького как пример срастания, слияния реализма и, скажем, сецессии (стиля модерн) или реализма и экспрессионизма, символизма и т. д., как позже делалось, он осторожно и с методологической сдержанностью указывал на эти подспудные веяния, которые были во внутреннем споре – их автор колебался между их принятием и отказом, отклонением. Это прямым путем видно в его последнем неоконченном романе *Жизнь Клим Самгина*, именно его отношение к декадансу, к модернистскому образу жизни.⁴ Ницшеанство Горького стояло естественно против модернистского невроза, тревоги, внутреннего напряжения, расслабления как выражений физиологической силы нового

молодой датский коммунист и написал книгу об особом чехословацком пути к социализму под названием Чехословацкий пример (см. выше). Тогда обстановка в Дании выглядела так, что коммунисты останутся в правительстве, так как это была единственная сила в Дании, которая участвовала в движении антинацистского сопротивления. Между прочим, в Дании было при немецкой оккупации особое положение, к которому датчане сейчас лишь редко и нехотя возвращаются: в стране была немецкая армия, но король правил, парламент (folketing) продолжал собираться и политические партии выполняли нормально свои роли; в 1943 под гитлеровской эгидой произошли выборы, в которых выиграла социалдемократия. До сих пор ведутся об этом странном периоде датской истории немногие приглушенные дискуссии. Э. Стеффенсен покинул компартию – как и большое количество западноевропейских интеллектуалов – после так называемых венгерских событий 1956 г.; потом он активно выступал на стороне чехословацких реформаторов в 1968 г. и позже. Его книги находятся в разных библиотеках в особенности в Королевской библиотеке (Kongelige Bibliothek) в Копенгагене.

⁴ В чешской русистике этим романом позже занялся Ярослав Секера (1929-2007) в книге *Torzo člověka: Gorkého zobrazení měšťáka*. Lidové nakladatelství, Praha 1978. Иначе, Секера писал и о текущей русской и чешской литературе, например, *Angažované diagnózy* (Lidové nakladatelství, Praha 1973), принимал участие в чешском издании статей В. В. Воровского, чешского литературного критика Владимира Достала и др. Кроме того, он стал и интересным чешским прозаиком (*Maturity*, 1975, Profil, Ostrava 1975, *Ložníci*, *Čs. spisovatel*, Praha 1980, *Outsideři*, Erika, 2001), поэтика которого находится под воздействием раннего Горького. Анализ *Жизни Клим Самгина* у Буриана менее социогичен и схематичен, более сосредоточивается на поэтике романа.

человека, „сверхчеловека“, концепции, коригируемой поисками и конструированием Бога в рамках богоискательства и богостроительства.

Третьей темой русиста Ярослава Буриана была методология литературоведения, в особенности брненские традиции, связанные с его учителем Франком Воллманом, т. е. компаративистика, историко-типологический подход, который Буриан использовал и в своей хабилитационной работе. Компаративистика в рамках марксистского литературоведения была реабилитирована лишь на московском съезде славистов в 1958 г., но она была методологически другой, чем воллмановская эидология (теория образа, древнегреч. эйдос) т. е. компаративистская морфология, связанная с имманентными подходами русского формализма и, главным образом, Пражского лингвистического кружка, основанного В. Матхесиусом и Романом Якобсоном в 20-е годы 20 века в Праге (по-разному указывается год основания, т. е. первые намерения в 1921-22 гг., официальная дата 1926 г., потом известные программные тезисы, предьявленные на Первом съезде славянских филологов, который состоялся именно в Праге в 1929 г.). Оттуда вытекают и известные воллмановские полемики, например, с Виктором Жирмунским, именно на пражском съезде славистов в роковом 1968 г. Членом кружка Франк Воллман стал, однако, лишь в 30-е гг. 20 века. Воллман пришел к подобным выводам, как и Пражский лингвистический кружок, но своими собственными путями, сравнительно близкими и феноменологии. Показательно, что некоторые члены кружка были связана и с немецкой феноменологией посредством ее основателя Эдмунда Гуссерля (1859-1938), уроженца города Просниц (Моравия, тогда Австро-Венгрия, теперь чешский/моравский город Простейов) и его польского последователя, эстетика и литературоведа Романа Ингардена (1893-1970), генерационно близкого всем членам Пражского кружка. Характерно и то, что всемирно известная *Теория литературы* (Theory of Literature, 1944, 1948...) Р. Уоррена и Р. Упллека (правильнее: Веллека, так как это чешская фамилия; René Wellek, 1903-1995) находилась под влиянием ингарденовской феноменологии, что потом обнаружилось в полемике Уэллека и Ингардена – Ингарден обвинял Уэллека в плагиаторстве.⁵

⁵ См. нашу книгу, единственную монографию о Р. Уэллеке за исключением американской книги Мартина Бюкко, покрывающей, однако, лишь его американские годы, не его истоки в межвоенной Чехословакии, к чему необходимо знание чешского и немецкого: I. Pospíšil – M. Zelenka: René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky. Masarykova univerzita, Brno 1996. См. M. Bucco: René Wellek. Boston 1981.

Морфологическая, эидологическая концепция компаративистики связывалась у Воллмана с тематологией (Stoffgeschichte), что наглядно показано в его ключевой книге *Словесность славян*.⁶ Ярослав Буриан был прямым наследником воллмановской компаративистской методологии в смысле ее модернизации, ее доведения up to date.

Если посмотреть на его хабилитационное сочинение поближе, то бросаются в глаза именно тематика и методологические предпосылки его приемов. Он сосредоточивается на теории романа, учитывая до определенной степени и так называемые западные работы, в том числе и пресловутую книгу Вольфганга Кайсера.⁷ Романное творчество считается в его сочинении ядром творений Горького, по вероятности наиболее репрезентативный пласт его художественной деятельности, причем характерно, что преддверием его романного творчества считаются краткие повествовательные, новеллистические циклы, в особенности окурковский, которые до этого времени стояли на периферии интереса советских исследователей, так как противоречили заранее выработанным схемам развития писателя, который от классического реализма будто бы программно движется к социалистическому реализму, к исторической конкретности и идеологической однозначности. Это, на самом деле, не

⁶ См. F. Wollman: *Slovesnost Slovanů*. Praha 1928. Немецкий перевод и издание: Frank Wollman: *Die Literatur der Slawen*. Herausgegeben von Reinhard Ibler und Ivo Pospíšil. Aus dem Tschechischen übertragen von Kristina Kallert. Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen. Herausgegeben von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler, Bd. 7. Peter Lang, Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2003. ISSN 1434-3193, ISBN 3-631-51849-80. Новое чешское издание: Frank Wollman: *Slovesnost Slovanů*. Eds: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka. Česká asociace slavistů ve spolupráci s Ústavem slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Středoevropským centrem slovanských studií a Slavistickou společností Franka Wollmana. Red.: Eva Niklesová, redakční spolupráce: Natálie Čuvelva. 2. vyd. (1. vyd. 1928). TRIBUN EU, Brno 2012. ISBN 978-80-263-0223-0. См. в них статьи: I. Pospíšil – M. Zelenka: *Mitteleuropa als Knotenpunkt der Methodologien*. Frank Wollmans *Slovesnost Slovanů* – Traditionen und Zusammenhänge. In: Frank Wollman: *Die Literatur der Slawen*. Herausgegeben von Reinhard Ibler und Ivo Pospíšil. Aus dem Tschechischen übertragen von Kristina Kallert. Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen. Herausgegeben von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler, Bd. 7. Peter Lang, Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2003. ISSN 1434-3193, ISBN 3-631-51849-80, s. 7-30. Aus dem Tschechischen übersetzt von Reinhard Ibler. I. Pospíšil: *Sieben Bemerkungen zu Frank Wollmans Slovesnost Slovanů*. In: Frank Wollman: *Die Literatur der Slawen*. Herausgegeben von Reinhard Ibler und Ivo Pospíšil. Aus dem Tschechischen übertragen von Kristina Kallert. Vergleichende Studien zu den slavischen Sprachen und Literaturen. Herausgegeben von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler, Bd. 7. Peter Lang, Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien 2003. ISSN 1434-3193, ISBN 3-631-51849-80, s. 355-362 (aus dem Tschechischen übersetzt von Reinhard Ibler). I. Pospíšil – M. Zelenka: *Střední Evropa jako křižovatka metodologií: Slovesnost Slovanů Franka Wollmana – tradice a souvislosti (Nad druhým českým vydáním)*. In: Frank Wollman: *Slovesnost Slovanů*. Eds: Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka. Česká asociace slavistů ve spolupráci s Ústavem slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, Středoevropským centrem slovanských studií a Slavistickou společností Franka Wollmana. Red.: Eva Niklesová, redakční spolupráce: Natálie Čuvelva. 2. vyd. (1. vyd. 1928). TRIBUN EU, Brno 2012, s. 23-68. ISBN 978-80-263-0223-0.

⁷ W. Kayser: *Das sprachliche Kunstwerk: Eine Einführung in die Literaturwissenschaft*. A. Francke, Bern 1948. Дальнейшие издания там же: 1963, 1969, 1983.

так. *Городок Окуров*, *Житие Матвея Кожемякина* и *Трое*, сотворенные на грани эпох после поражения первой русской революции, свидетельствуют об усложненных поисках, образуя поэтологическую ткань, без которой нельзя понять и *Мать* и романы послеоктябрьского периода. Особая вневременность сценерии *Городка Окурова*, судьба человека и его духовные поиски в случае *Жизни Матвея Кожемякина*, таинственные концовки, системы намеков и аллюзий показывают Горького как оригинальную соединяющую прямую, ведущую из 19 в 20 век русской литературы. Именно в этом Буриан показал, что литература нового времени, т. е. после Октября, рождается на почве не только классической реалистической традиции (ведь русский реализм был, как писал Достоевский о своем творчестве, реализмом „в высшем слова смысле“), но впитывал в себя и поэтику серебряного века, религиозную экзальтацию конца 19 и начала 20 веков, духовное богатство народной культуры и культуры Древней Руси, что была и главная цель неореалистов из книгоиздательского товарищества *Знание* (1898-1913). Переосмыслением всех, на первый взгляд отличающихся друг от друга поэтологических импульсов, но на глубине находящихся много совместных черт, явится и главным открытием хабилитации Я. Буриана. Необходимо мне добавить, что и в этом отношении она стала для меня особым вдохновляющим элементом в процессе исследования русского романа-хроники, проблематике которой я уделял потом по крайней мере три десятилетия постоянное внимание.⁸

⁸ См. наши следующие книги и статьи: Románová tvorba N. S. Leskova. Рукопись дипломной работы. UJEP, Brno 1975. Typologie a poetika Leskovovy románové kroniky. Работа на соискание степени доктора философии. UJEP, Brno 1975. Ruská románová kronika (Příspěvek k historii a teorii žánru). Filozofická fakulta UJEP, Brno 1983. Labyrint kroniky. Pokus o teoretické vymezení žánru. Blok, Brno 1986. Proti proudu (Studie o N. S. Leskovovi). Sprint-Print, Brno 1992. Rozpětí žánru. Sprint-Print, Brno 1992. Od Bachtina k Solženicynovi. Srovnávací studie. Albert, Brno 1992. Ruský román. Nástin utváření žánru do konce 19. století. Masarykova univerzita, Brno 1998. Genologie a proměny literatury. Spisy Masarykovy univerzity v Brně, Filozofická fakulta, Brno 1998. Ruský román. Nástin utváření žánru do konce 19. století. Masarykova univerzita, Brno 1998. Až se vyčastí... Úvahy – kritiky – glosy – eseje. Nadace Universitas Masarykiana, Nakladatelství a vydavatelství Nauma, edice Heureka, Brno 2002. Slavistika na křižovatce. Středoevropské vydavatelství a nakladatelství REGIONY, Edice Pulsy, Masarykova univerzita Brno 2003. ISBN 80-86735-01-X (Středoevropské vydavatelství a nakladatelství REGIONY), ISBN 80-210-3116-6 (Vydavatelství Masarykovy univerzity). Studie o literárních směrech a žánrech. Katedra slovanských jazykov, Filologická fakulta, Univerzita Mateja Bela, Banská Bystrica 2004, 122 s., ISBN 80-8055-965-1. Ruský román znovu navštívený. Historie, uzlové body vývoje, teorie a mezinárodní souvislosti: Od počátků k výhledu do současnosti. Ed.: Jaroslav Malina, obálka, grafická a typografická úprava Josef Zeman – Tomáš Mořkovský, Martin Čuta, ilustrace Boris Jirků. Nadace Universitas, Edice Scientia, Akademické nakladatelství CERM v Brně, Nakladatelství a vydavatelství NAUMA v Brně, Brno 2005. ISBN 80-7204-423-0. Pátrání po nové identitě. Rusistické a vztahové reflexe. SvN Regiony, Středoevropské centrum slovanských studií, Brno 2008. ISBN 80-86735-15-X. Srovnávací studie (Komparatistika, slavistika, rusistika a česko-slovenské souvislosti). UCM, Trnava 2008. ISBN 978-80-8105-060-2. Koncepce prostoru a času v kronikách N. S. Leskova. SPFF BU, D 23-24, c. 109-117. Autor a vývoj žánrů: N. S. Leskov. Čs. rusistika 1988, 1, c. 13-20. Man's Fate in Space and in Time (*The Modifications of the Chronicle Model in N. S. Leskov and K. V.*

Сам роман *Мать* не стоит в центре его внимания, он, кажется, избегает проблематики разных редакций. В ранней редакции, как известно, выглядели некоторые персонажи, включая самую мать иначе физически и духовно, религиозные мотивы были сильнее. Именно их переосмысление, слияние образа революции с воскрешением человека в религиозном духе стали началом пути, по которому двинулись вперед и другие авторы в годы после Февральской и Октябрьской революций. Революция не как изменение общественного строя, а как глубинное перерождение, очищение и воскрешение человека, т. е. антропоцентрическая концепция революции, в которой религиозные образы стали осмысляться по-человечески, была причиной обвинения Горького в богохульстве. Некоторые чешские русисты занимались этой темой нетрадиционно именно в 60-е годы 20 века, как и другими классическими советскими темами, в том числе романом Николая Островского *Как закалялась сталь*⁹, в том числе Зденек Матхаусер (В. Маяковский, поэты серебряного века, Анна Ахматова), Йиржи Гонзик, Йиржи Франек, Дануше Кшицова и др. Некоторые из них были после советской оккупации страны в 1968 г. обвинены в оппортунизме и ревизиозме на основе серии статей советских авторов *Эволюция чехословацкой русистики*, которые были быстро переведены на чешский и изданы в форме идеологически обработанной брошюры.¹⁰

В этом движении к переосмыслению или же ревизии традиционных взглядов на отдельные этапы развития русской литературы и на творческие пути ее представителей Буриан стоял скорее на окраине как осторожный, сдержанно формулирующий

Rais). Opera Slavica 1991, 1, s. 44-49 (vyšlo 1992). Powieść-kronika. Zagadnienia rodzajów literackich, z. 1 (65), t. XXXIII, s. 121-125. Souvislosti tvorby N. S. Leskova. SPFFBU, D 39, 1992, s. 115-122. Литературный контекст прозы Н. С. Лескова. In: VIII Международный конгресс МАПРЯЛ. Русский язык и литература в современном диалоге культур. Регенсбург/Германия, 22-26 августа 1994 г. Тезисы докладов (дополнительный выпуск), Regensburg 1994, s. 226-227. Kdo to byl Nikolaj Leskov? Rt magazin 16. 12. 1994, s. 6-7. N. Leskov's Genres: Individuality and Tradition. In: Bahtin in humanistične vede. Zbornik prispevkov z mednarodnega simpozija v Ljubljani, 19.-21. oktobra 1995. Ljubljana 1997, s. 265-272. The Hidden Kernel of Paradox: the Chronicles of Anthony Trollope and Nikolai Leskov. Germanoslavica. Zeitschrift für germanoslawische Studien, VII (XII), 2000, Nr. 1, s. 35-40. K typu autorské osobnosti v ruské literatuře (N. S. Leskov a A. M. Remizov). In: Umění teorie a Zdeněk Mathauser. Slavia, Slovanský ústav, Euroslavica 2000, s. 419-425. Jazyk, narace, žánr a kultura v literárních dílech N. S. Leskova. In: Jazykoveda v pohybe. Ed.: Alena Bohunická. Autorky a autori venujú k životnému jubileu prof. PhDr. Oľgy Orgoňovej, CSc., a prof. PhDr. Jurajovi Dolníkovi, DrSc. FF UK, Katedra slovenského jazyka, Studia Academia Slovaca, Bratislava 2012, s. 17-27. ISBN 978-80-223-3276-7.

⁹ См. Bedřich Dohnal: Genese tvaru: vývoj textu románu N. Ostrovského Jak se kalila ocel. ČSAV, Praha 1964. Ivo Pospíšil: Jak se kalila ocel jako hraniční literární text. Čs. rusistika 1984, č. 3, s. 109-113.

¹⁰ V. A. Kovaljov, K. I. Rovda: Cesty a rozcestí československé rusistiky, přel. kolektiv, Lidové nakladatelství, Praha 1972; первоначально опубликовано в иначе серьезном, но концертативном журнале *Русская литература* в 1970-1971 гг. Мотивировка обоих авторов, из которых один (В. А. Ковалев) был известным идеологом литературоведения, другой (К. И. Ровда) маститым богемистом, неизвестны, не говоря о том, были ли им известны последствия их суждений для судеб раскритикованных чехословацких русистов.

литературовед с прочной основой в европейских литературах и теоретической традиции чехословацкого литературоведения и филологии как таковой.

В центре его внимания стоял недооцененный, неоконченный роман Жизнь Клима Самгина, который до сих пор считается скорее неудачной попыткой создания романа новой эпохи – как зачастую приводится, роман образует известную цепь русских романов 20 века с доминантной темой человека в клещах истории как оппозиции романов Льва Толстого и Федора Достоевского, а именно Жизнь Клима Самгина, Мастер и Маргарита и Доктор Живаго. Отношение Горького к Достоевскому всеобщее известно и роману Жизнь Клима Самгина предстояла задача образовать альтернативу роману Достоевского. Буриан анализирует сложную текстовую структуру романа, связь его с поколенческим романом Дело Артамановы, наверное, и с драматическими шедеврами писателя, в которых антропологическая точка зрения предпочитается механически социальной (*Егор Булычев и другие*). И его концепция воздействия творчества Горького на последующее развитие русской литературы трезво, хотя настоящее показывает скорее его приглушение, подавление. Но будущее покажет...

Особой чертой буриановского анализа избранных романов Горького является факт, что он сильно учитывает жанровую природу литературного артефакта, что восходит к брненской традиции изучения литературных направлений, видов и жанров как доминантных черт поэтики в сравнительном плане, т. е. к воллмановской эидологии, к чешскому структурализму, границы которого таким образом раздвинуты в сторону мировой литературы, межславянской литературной коммуникации и целостности всемирного литературного творчества и в смысле центральноевропейской жанрологии/генологии.¹¹

Предлагаемая настоящему русскому читателю книга может представлять особый интерес как своеобразная модель переплетения традиций марксистского литературоведения советского типа и методологических импульсов, связанных с

¹¹ См. I. Pospíšil: Základní okruhy filologické a literárněvědné metodologie a teorie (elementy, materiály, úvahy, pojetí, texty). Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave, Filozofická fakulta, Trnava 2010. ISBN 978-80-8105-191-3. 275 s. Тот же: K teorii ruské literatury a jejím souvislostem. Spisy Masarykovy univerzity v Brně, Filozofická fakulta, č. 413, Muniipress, Brno 2013. Тот же: Areál a filologická studia. Masarykova univerzita, Brno 2013. Literární genologie. Masarykova univerzita, Brno 2014. Literární věda a teritoriální studia. Fakulta stredoeurópskych štúdií, Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre 2014.

центральноевропейскими корнями литературоведческой методологии, как специфический пример „третьего пути“.